

**Самое
бессмысленное
убийство**

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Болезнь всегда плохо. Впрочем, болезнь болезни рознь. Бывает болезнь серьезная, вызывающая уважение, то есть такая болезнь, что с ней, хочешь того или не хочешь, приходится считаться. Ты идешь к доктору, от него — в аптеку, где покупаешь прописанные доктором лекарства, отправляешься домой, ложишься в постель и стоически ждешь, пока лекарства вступят в схватку с болезнью и одолеют ее. Ты, значит, лежишь в постели, страдальчески смотришь в потолок, а родные и близкие то и дело подбегают к тебе, чтобы пощупать лоб, поправить подушку, уточнить, не забыл ли ты принять предписанное лекарство или не хочется ли тебе чего-нибудь вкусенького. В общем, сценарий болезни известный.

Бывает, конечно, и по-другому, когда доктор выдает тебе категорическое предписание не шутить с собственным здоровьем, а прямо из его кабинета отправляться в больницу палату. И ты, удрученно разведя руками, повинешься, потому что — куда тебе деваться? В самом деле — шутить с собственным здоровьем себе дороже.

Но бывает болезнь подлая и коварная. Главное дело, весь организм у тебя работает как часы, четко и слаженно, а в каком-то одном месте случается казус. Например, вдруг у тебя заболела поясница. Да притом так сильно, что ни согнуться, ни разогнуться, ни вздохнуть, ни охнуть. И главное, непонятно, отчего с тобой приключилась такая беда, надолго ли она и как от нее избавиться. Вроде и жаловаться

стыдно на такое несерьезное недомогание, а с другой стороны — и рукой-то на него не махнешь, потому как — мешает, раздражает и отвлекает от работы, да и от всех прочих дел. Допустим, беседуешь ты с каким-нибудь человеком по каким-то служебным вопросам, а сам согнут крюком. Ну какая же это беседа и какой от нее прок? Да и вообще — ни в служебное кресло толком не сядешь, ни в служебную машину, а чтобы вылезти из машины — тут и вовсе говорить не приходится. Сплошное мучение! А если к тому же придется прилагать какие-то физические усилия и предпринимать энергичные телодвижения? Вот то-то и оно. Вроде бы и несерьезная болезнь, а с другой стороны, и отмахнуться от нее нет никакой возможности. Только и думаешь о ней, окаянной.

Вот как раз такая-то беда и приключилась со старшим оперуполномоченным по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России полковником Львом Ивановичем Гуровым. Что интересно, еще утром никакой боли Лев Иванович нигде не чувствовал, он, как обычно, был энергичен и деятелен, а вот ближе к обеденному времени... Да притом так неожиданно, будто в Гурова кто-то выстрелил и попал аккурат в поясницу! Лев Иванович только охнул и согнулся пополам, а уж разгибался он долго, мучительно, в двадцать четыре приема. Сначала он надеялся, что это всего лишь какая-то мгновенная шалость организма и боль скоро отпустит, но не тут-то было. Боль уходить не желала. Когда Гуров находился в состоянии покоя, боль особо не ощущалась, но стоило ему шевельнуться или хотя бы глубоко вздохнуть, как боль тотчас же возникала вновь, и казалось, каждый ее новый приступ становится сильнее предыдущего. Одно лишь было хорошо — что все это случилось в рабочем кабинете, а не на виду у людей. А то ведь получился бы конфуз: сыщик Гуров, согнутый в четыре погибели... Жалкое зрелище.

Да, но что же делать? Лев Иванович никогда особо не обращал внимания на свое здоровье, он не любил жало-

ваться на болячки и тем более лечить их. Он исходил из принципа «поболит и перестанет», и надо сказать, что до сих пор принцип действовал. Но на этот раз, похоже, он дал сбой. Потому что болело и не переставало.

Гуров с трудом извлек из кармана мобильный телефон и, безмерно страдая, нашел в нем номер верного друга, коллеги и соратника Станислава Крячко.

— Стас, ты где? — простонал Лев Иванович в трубку.

— Блуждаю в лабиринтах нашего мрачного заведения, — в своем обычном шутливом стиле ответил Крячко. — Увлекательное, доложу, занятие! А что такое?

— Бросай свои блуждания и беги в кабинет, — сказал Гуров.

— Возникло дельце? — поинтересовался Крячко.

— Еще какое, — поморщился Гуров. — Вот, сижу и радуюсь... Хочу, чтоб и ты порадовался.

— Уже бегу, — сказал Крячко и отключил связь.

Спустя минуту он влетел в кабинет.

— Несмотря на ужасающую запутанность наших конторских коридоров... — начал он и осекся. — Э, да что с тобой? На твоем лице просто-таки мировая скорбь! Что случилось?

— Да вот, — нехотя сказал Гуров, — прихватило. Ни разогнуться, ни вздохнуть... Поясница...

— М-да... — почесал в затылке Крячко. — Диагноз неприятный, что и говорить. Сам не испытывал, но слышать и наблюдать приходилось. А может, само пройдет?

— Может, и пройдет, — с сомнением ответил Гуров.

— А что, если поделаться гимнастику? — предложил Крячко. — Ну, попрыгать, поприседать, наклониться... Вдруг поможет?

— Посоветуй еще повилать бедрами и поплясать вокруг шеста! — огрызнулся Лев Иванович. — Сказано тебе — прихватило!

— Да, слово емкое и вызывающее уважение, — согласился Крячко. — А тогда — поезжай-ка ты домой. Ляг на

диван, и пускай твоя Мария над тобой поколдует. Она это может, я знаю. Ну, даст какую-нибудь мазь, порошок, делает припарку...

— Придется, — раздраженно проговорил Гуров. — Какой из меня работник при такой болезни?

— Вот и поезжай, — приободрил Гурова Крячко. — Сейчас я вызову дежурную машину, бережно тебя в нее погрузу и — привет супруге Марии. В общем, лечись. А насчет трудов наших скорбных не беспокойся. Я потружусь за двоих. Нам не привыкать.

Гуров с угрюмым видом пожал плечами, набрал номер телефона жены и коротко доложил ей суть приключившейся с ним оказии. Мария заохала, забеспокоилась и сказала, что тотчас же едет домой — несмотря на то что сейчас в театре репетиция и она играет в спектакле одну из главных ролей. На том и порешили.

Дома Мария уложила супруга на диван и намазала ему поясницу какой-то мазью. Постепенно боль почти утихла, и Гуров приободрился.

— Вот, — сказал он жене, — и конец моим страданиям. Сегодня отлежусь, а завтра — на работу. Подумаешь, поясница!

— Ну-ну, — с сомнением сказала Мария. — Не думаю, что все так просто.

Она оказалась права. В течение вечера и ночи боль периодически возвращалась к Гурову. Когда он лежал неподвижно, было еще терпимо, но когда пытался шевельнуться, а тем более повернуться на другой бок, боль давала о себе знать самым беспощадным образом.

— А ты говоришь — отлежусь и на работу, — укорила Гурова жена. — Сколько раз я тебе говорила, относись к своему здоровью серьезнее! Куда там! Для тебя важнее поймать какого-нибудь очередного бандита, чем прислушиваться к моим словам! Вот и доигрался!

Гуров хотел что-то возразить жене, но не нашел что сказать и лишь сокрушенно махнул рукой. Да и что тут скажешь, когда жена права?

Дождавшись утра, Мария вызвала Михаила Семеновича — семейного доктора. Михаил Семенович прибыл очень скоро. Он был преклонного возраста, но подвижен и энергичен.

— Ну и что тут у нас? — спросил он бодрым голосом. — Кто больной? Чем больной? Почему больной?

— Да вот, — указала Мария на лежащего на диване супруга. — Поясницу ему прихватило. Еще вчера. И не отпускает до сих пор.

— Ай-ай-ай, — огорченно произнес Михаил Семенович. — Поясницу! Еще вчера прихватило! Ну-ка, ну-ка... Голубушка, помогите вашему супругу раздеться до пояса. Мне надо произвести осмотр.

Кряхтя и морщась, Гуров с помощью жены снял одежду. Доктор тем временем вымыл руки и приступил к осмотру.

— Так, так, так, — приговаривал он, быстро и ловко пробегая пальцами по пояснице, а заодно и по всей спине Гурова. — Вот так болит? А вот так? А если я нажму вот сюда — больно?

Больно было везде, куда нажимал доктор, о чем Гуров ему каждый раз и сообщал.

— Ну что я вам скажу, батенька, — в старорежимном стиле выразился Михаил Семенович. — Плохи ваши дела. Да-да-да! Неважны. Хондроз поясничного отдела — вы слышали или нет такие страшные слова? Причем в запущенном состоянии. В крайне запущенном, вот ведь какое дело! Придется серьезно лечиться.

— А как же работа? — жалобно спросил Гуров. — У меня работы невпроворот.

— Работа была и будет всегда, а здоровье — одно! — решительно возразил доктор. — Так что — никакой работы! Лечиться, лечиться и еще раз лечиться. Сейчас я выпишу рецепт, а вы, голубушка, — доктор посмотрел на Марию, —

будьте так любезны приобрести все эти лекарства в аптеке. И будьте ему сиделкой и нянечкой. Ведь он у вас, я так понимаю, неслух?

— Еще какой! — подтвердила Мария.

— Вот видите. А между тем болезнь серьезная. Если ее не лечить, могут быть последствия! — Доктор с важным видом поднял палец. — Печальные последствия. А вы, голубчик, — теперь он посмотрел уже на Гурова, — еще такой молодой человек. Зачем вам и сама болезнь, и тем более последствия? Так что лечиться нужно самым серьезным образом. Да.

— И сколько времени? — прежним жалобным тоном поинтересовался Гуров. — Двух дней хватит?

— Он мне говорит, два дня! — всплеснул руками доктор. — Голубчик! Две, а то и три недели — самое меньшее!

— Доктор, вы назвали невообразимые сроки! — ужаснулся Гуров. — Какие две, а тем более три недели! Говорю же, у меня работа! Срочная. Безотлагательная.

— Ничего страшного, — успокоил пациента доктор. — Уверяю вас, что если вы не сделаете какое-либо срочное и безотлагательное дело, мир от этого не рухнет. Ведь не рухнет же?

— Ну... — с сомнением произнес Гуров.

— Вот видите. Так что смотрите на вещи проще. Тем более что названные мною три недели отводятся только на начальный этап лечения. За это время у вас исчезнут лишь острые симптомы, а вот сама болезнь — ни-ни! А потому вам придется лечиться и дальше. Иначе в любое время возможен рецидив.

— Лечиться дальше? — в ужасе произнес Гуров. — Доктор, вы сейчас произнесли невозможные слова!

— Да-да-да! — категорически заявил Михаил Семенович. — Именно так — лечиться дальше! Ибо хондроз — вещь крайне неприятная. И если к ней относиться легкомысленно, у вас непременно наступит болезненная и безрадостная старость. Скажите, вы хотите, чтобы у вас когда-нибудь наступила безрадостная старость?

— Да, в общем, не очень... — нерешительно произнес Гуров.

— А тогда прислушайтесь к моему совету. После того как первичные симптомы будут сняты, я вам категорически рекомендую для закрепления результатов побывать в санатории.

— Где? — переспросил Гуров.

— В санатории. Месяц пребывания в нем — и вы без опасения сможете пригласить свою даму на тур вальса. А также сумеете гоняться за вашими преступниками. Ведь вы, насколько я помню, следователь?

— Оперуполномоченный.

— Ну, тем более.

— Месяц в санатории! — От таких слов Гуров не мог прийти в себя. — Да что же мне там делать столько-то дней?

— Выполнять предписания лечащих врачей, — пожал плечами доктор. — Что же еще? Ну и, конечно, отдыхать. Наслаждаться курортными видами. А они, уверяю вас, там просто чудесны.

— Да где же он находится, этот санаторий? — От слов врача Гуров расстраивался все больше и больше.

— Не так и далеко, — сказал доктор. — В соседней области. — Всего два часа езды от Москвы. Ну, или около этого... Так что вы, голубушка, — доктор взглянул на Марию, — всегда можете навестить вашего мужа. Замечательный санаторий. Прекрасные невропатологи. И, что немало важно, стоит путевка совсем недорого.

— Дожил полковник Гуров! — с нотками печально-го сарказма произнес Гуров. — Его отправляют лечиться в санаторий, где лечат нервных больных. Об этом печально даже подумать! Гуров — болен нервной болезнью...

— Не понимаю причины вашей иронии, — заметил доктор. — Голубушка, объясните ему сами. Кажется, мы думаем с вами одинаково.

— Раз доктор сказал, что надо ехать в санаторий, значит, надо ехать в санаторий! — решительно проговорила

Мария. — Какие могут быть разговоры и сомнения? Или ты хочешь, чтобы печальная старость наступила у нас обоих? Ты будешь сидеть в инвалидном кресле, а я — за тобой ухаживать? Так ты мыслишь нашу совместную старость?

— Нет, что ты! — уверил жену Гуров. — На этот счет у меня совсем другие планы...

— Значит, поедешь в санаторий, — уже спокойнее произнесла жена. — Как только тебе станет легче, так и поедешь. А я буду тебя навещать. И звонить. Да и вообще: месяц — это немного. Не успеешь и руками развести...

— Истинно так, голубушка, истинно так! — поддержал Марию доктор. — Золотые ваши слова. Ну, так я выпишываю рецептик, а заодно пишу и адрес санатория!

— Пишите! — решительно произнесла Мария, а Гуров лишь вздохнул.

— Алло, Станислав, — жалобным голосом сказал в телефонную трубку Гуров. — Мне конец. Меня приговорили...

— Надеюсь, не к утоплению в море с камнем на шее? — поинтересовался Крячко.

— Хуже. К санаторию. Сроком на целый месяц. И это не считая двух, а то и трех недель лечения дома. Ввиду моего хондроза. Ты представляешь?

— И что именно я должен представить? — вкрадчиво поинтересовался Крячко.

— Мою печальную ситуацию, — пояснил Гуров.

— А в чем заключается эта самая печаль?

— Ну, как же... Почти два месяца безделья! С ума сойти! В общем, мне нужна твоя помощь.

— Ну, так я же не доктор, — усмехнулся в трубку Крячко. — Чем же я могу помочь?

— Отмажь меня от санатория, — попросил Лев Иванович. — Прошу тебя как старого друга.

— И как же? — В голосе Крячко чувствовалась уже просто змеиная вкрадчивость.

— Скажи жене, что на работе у нас завал, — предложил Гуров. — И что без меня этот завал не разгрести ну просто никак. Тебя она знает и потому поверит. А уж за мной дело не станет. Отблагодарю по полной программе.

— И это все? — весело поинтересовался Крячко.

— Все! — решительно произнес Лев Иванович.

— А вот фиг тебе! — сказал Стас. — Даже и не подумаю! И даже стану всячески убеждать твою Марию, чтобы она обязательно отправила тебя под звонкие фанфары в санаторий.

— Да что ты такое говоришь! — ужаснулся Гуров. Чего-чего, а такого откровенного вероломства он от Крячко никак не ожидал.

— То и говорю, — спокойно сказал Стас. — Более того, привлеку к этому делу самого генерала Орлова. Он мужик с понятием и потому поймет, что отдых в санатории для твоего же блага. А уж как он умеет уговаривать, ты это знаешь не хуже моего.

— И это называется друг! — с горечью в голосе произнес Гуров.

— А то кто же, — с прежним спокойствием сказал Крячко. — Конечно, друг. Оттого и поступаю по-дружески. А с завалами на работе я как-нибудь справлюсь и без тебя. Завалы есть и будут, а здоровье у тебя одно.

— Да ты послушай...

— Скажи, ты когда-нибудь был в больнице? — перебил Гурова Крячко.

— Ну, конечно, был, — буркнул Лев Иванович. — Когда меня подстрелили...

— Это понятно, — опять перебил приятеля Стас. — А так, чтобы по своей воле, с какой-нибудь болячкой — был или не был?

— Ну, не был...

— Значит, не был. Ну, а в санаториях бывал?

— Да при чем тут санаторий!..

— Вот и побудь. Друг у меня один — ты, и я хочу тебя видеть здоровым и бодрым, а не скрученным, как крендель...

А я тебя буду навещать — со скорбным видом и с апельсинами в авоське. Потому что так полагается — и скорбный вид, и апельсины в авоське. Ну, убедил? Или мне призвать на помощь тяжелую артиллерию в виде генерала Орлова?

— Да пошел ты...

— Сам иди по этому адресу! А еще лучше — поезжай в санаторий!

Гуров в сердцах отключился от связи и предался скорби. По всему выходило, что санатория ему не миновать. Тем более что поясница по-прежнему продолжала ныть, сверлить, стрелять и всячески донимать Льва Ивановича.

Глава 2

— Так это и есть ваш хваленый санаторий? — с неудовольствием спросил Гуров у какой-то дамочки в белом халате, которая вышла на крыльцо, чтобы встретить его.

— Да, — ответила женщина. — Это он и есть. Называется «Сосновый бор».

— Хм! — ядовито сказал Гуров.

У него было прескверное настроение. Ему не нравился ни сам санаторий, ни его название, ни крыльцо, на котором он стоял и разговаривал с женщиной в белом халате, ни сама женщина. Он не нравился даже сам себе. Даже чудная, выкрашенная в голубые и желтые цвета окрестная октябрьская природа и та ему сейчас не нравилась. Даже утренний свежий октябрьский воздух и тот вызывал в нем раздражение.

— Н-да! — сказал он еще ядовитее.

— Успокойся, — шепнула Льву Ивановичу жена. — И веди себя прилично.

Мария приехала в санаторий вместе с мужем, чтобы самолично разузнать, что здесь и как, а то ведь от Гурова разве дождешься внятных разъяснений относительно его здоровья. Вместе с женщиной в белом халате они прошли

в вестибюль. Здесь их встретила другая женщина, также в белом халате.

— Пройдемте со мной, — сказала она Гурову. — Я покажу вам вашу палату.

— Палату! — с раздражением произнес сыщик. — Хорошо, что не камеру!

— Ну, ваш номер. Или комнату, — улыбнулась женщина. — Называйте как хотите.

— Если бы дело было в названии! — буркнул Гуров.

— А в чем же? — взглянула на собеседника женщина.

— В сути, — кратко пояснил Лев Иванович. — Ну, ведите меня в мою камеру!

Мария, которая пошла вместе с Гуровым, ткнула ему в бок кулачком и шепнула:

— Где же твое хваленое хладнокровие, Лев Иванович? Прими происходящее как данность, и тебе сразу же станет спокойнее!

— А! — в отчаянье махнул рукой Гуров.

— Вот, — сказала женщина в халате, подходя к какой-то двери. — Ваша палата... то есть, я хотела сказать, номер... в общем, здесь вы будете жить. Номер рассчитан на двух жильцов, но соседа у вас не будет. Сейчас осень, — пояснила она, — а в это время пациентов у нас не слишком много. Так что никто вас беспокоить не будет. Ну, располагайтесь.

Женщина вышла, а Гуров осмотрелся. Номер как номер — вполне приличный и даже уютный, с телевизором, холодильником, двумя кроватями, двумя креслами и небольшим столиком у широкого окна. За окном виднелись и беззвучно качались под ветром деревья с желтой листвой.

— По-моему, неплохо, — бодрым тоном произнесла Мария. — Так что ты, Гуров, не дури и не хандри. Лечись. Сам ведь понимаешь — надо.

— Вот так она и подкрадывается... — угрюмо произнес Гуров.

— Кто? — не поняла Мария.

— Старость, — сказал Гуров. — Шаг за шагом, незаметно... И ты хоть лечись, хоть не лечись, а она все равно все ближе и ближе. Так для чего, спрашивается, лечиться? От старости лекарства нет.

— Ну вот, ударился в философию, — укоризненно произнесла Мария. — Ах, Лева, Лева! При чем тут философия? Все гораздо проще! Заболел — лечись. Вот и вся философия.

— Не знаю... — пожал плечами Гуров. — Может, ты и права. Но... Вот как только я вошел в эту камеру, так мне отчего-то сразу подумалось о старости. Ты не знаешь, случайно, к чему это?

— Знаю, — усмехнулась Мария. — Эти мысли из-за твоей хандры.

— Ну-ну, — с сомнением произнес Лев Иванович.

— Все, я поехала обратно, — сказала Мария. — А ты будь на связи. И не дури. И не ввязывайся ни в какие приключения, слышишь! Твое дело — лечиться и отдыхать.

— Да какие тут могут быть приключения? — безрадостно усмехнулся Гуров. — Откуда им тут взяться? Одно слово — санаторий «Сосновый бор». Тишина, покой и тоска.

— Ну, ты найдешь чем заняться, если захочешь. На ровном месте. Мне ли тебя не знать, — уверенным тоном произнесла Мария. — Смотри мне!

— Все будет нормально, — вяло махнул рукой Гуров. — Вылечусь, отдохну и вернусь домой. Красивый и толстый.

Они вышли на крыльцо. Мария поцеловала мужа, помахала ему рукой и пошла к машине. Гуров остался на крыльце и смотрел ей вслед. Супруга села в машину, та тронулась, а Лев Иванович остался стоять на месте. Почему-то ему опять подумалось о старости.

Стараясь отвлечься от дум, Гуров встряхнул головой и окинул взглядом окрестности. Несмотря на то что санаторий назывался «Сосновый бор», никаких сосен поблизости он не увидел. Зато почти от крыльца начинался лиственный сад с липами, березами, рябинами и еще какими-то деревьями с большими серыми стволами — как они называются,

Гуров не помнил. В саду между деревьями извивались выложенные плиткой дорожки, там и сям стояли разноцветные скамейки и сооружения непонятного назначения, а вддали, на другом конце сада, сгрудились какие-то строения, которые было почти невозможно разглядеть из-за деревьев.

— Пойдемте со мной, — раздался за спиной Гурова женский голос. — Нужно заполнить карту и ознакомить вас с курсом лечения.

— Да-да, — тоскливо сказал Гуров. — Конечно же... Скажите, а что это за серые строения? Там, на другом конце сада?

— Там дом престарелых, — пояснила женщина.

— Дом престарелых? — переспросил Лев Иванович.

— Да. Старички, доживающие свой век. Наши, так сказать, соседи. А этот сад — он общий, их и наш. В хорошую погоду мы здесь гуляем. И они, и мы. Да вы не беспокойтесь — от них никакого вреда и никакой суеты. Тихие, почти незаметные... Одним словом, старички. Ну, пойдемте же. У нас все по расписанию.

То, что на другом конце сада находился дом престарелых, отчего-то нагнало на Гурова еще большую тоску.

«Просто я выбился из колеи, — подумал он. — Сбился с ритма жизни. Так бывает. Да и как тут не сбиться и не выбиться, когда жил себе и работал, а тут вдруг на тебе — санаторий... Ничего. Надо просто собраться с мыслями, перестать раздражаться по пустякам — и все будет нормально. Все станет как и прежде».

И, подумав таким образом, Гуров почувствовал, что успокаивается и обретает привычную бодрость духа.

Глава 3

Лечебные процедуры оказались необременительными и не занимали много времени, а потому большую часть дня Гуров был предоставлен самому себе. Мрачные мысли перестали его донимать, он повеселел, приободрился

и завел несколько знакомств с другими пациентами санатория. И даже сыграл с ними несколько партий в домино, удивившись в результате самому себе: давненько он не играл в домино, даже позабыл, что есть такая игра. И вот вспомнил.

А еще он полюбил гулять по саду. Иногда — в компании, но чаще всего в одиночестве. Гуляя, он размышлял, и эти размышления удивляли его самого. Вот, дескать, есть такое простое удовольствие — беззаботная прогулка, а он из-за постоянной суеты и спешки, из-за стремления как можно больше сделать и везде успеть даже позабыл, что на свете существуют прогулки! А это, оказывается, очень даже неплохое и увлекательное занятие!

Гулял Гуров ежедневно, несмотря на то что тихие и солнечные осенние дни сменились днями ветренными и дождливыми. Ну и что с того, что дождь и ветер? Прогулка замечательна в любую погоду! Хотя, конечно, вам-де, батенька, с вашим хондрозом следует побережться, а то неровен час могут начаться непредвиденные осложнения из-за прогулок в дождливую и ветреную погоду. Так советовали Гурову врачи, работающие в санатории. Он соглашался с врачами и обещал побережться, но своих обещаний обычно не выполнял. Прогулки были для него самоуспокоительным ритуалом, и как тут было от такого благостного ритуала отказаться!

Иногда, гуляя, Лев Иванович встречался со стариками и старухами из дома престарелых. Парами, небольшими компаниями, а иногда и в одиночку они так же, как и Гуров, прохаживались по дорожкам сада, молча или о чем-то переговариваясь, сидели на скамейках... Несколько раз Гуров замечал старушек, увлеченно собирающих палые желтые листья и красные рябиновые ягоды. Встречаясь взглядом с Гуровым, старики каждый раз с ним здоровались, и он им отвечал.

Иногда Лев Иванович ловил себя на мысли, что эти старушки и старички кажутся ему не обычными пожилыми

людьми, а некими фантастическими существами из другого, неведомого ему мира. «Вот, — думал Гуров, — старики и старушки. Люди, которые не нужны никому, кроме самих себя. Да-да! Потому что если бы они были нужны еще кому-то, то не были бы сейчас здесь, в этом казенном саду». Иногда Гуров останавливался и украдкой наблюдал за стариками, и ему в этот момент очень хотелось знать, о чем они думают, что чувствуют, на что надеются, чего ждут от наступившего дня и верят ли, что и завтрашний день будет в их распоряжении.

А еще ему ежедневно звонила жена и требовала подробного отчета: как его лечат, чем именно, каковы результаты лечения, а также каково моральное самочувствие Гурова. Несколько раз звонил Крячко, выражая слова поддержки, а один раз даже позвонил сам генерал Орлов: дескать, ты там не балуй и лечись как полагается, а все остальное приложится.

В такой безмятежности прошли две недели. А потом — случилось непредвиденное событие: в саду нашли мертвую старушку. Слух об этом моментально разнесся по всему санаторию, как оно обычно и бывает в подобных случаях. Гуров услышал о старушке утром, когда завтракал в столовой. Дескать, вечером все было хорошо и тихо, никаких покойников под деревьями не лежало, а рано утром пожилую женщину и обнаружили. Гуляли по саду — и случайно наткнулись на мертвое тело. Что за старушка? А должно быть, тоже из дома престарелых. Другим-то старикам откуда тут взяться? Что ж, умерла и умерла. На то они и старушки, чтобы умирать. Одно непонятно — почему она скончалась именно в саду и именно ночью, когда в это самое время старушкам полагается спать в отведенных им покоях? Ну да, опять же, где застала смерть, там и умерла. Смерть — она ведь не спрашивает, когда приходить. Может, бабуля гуляла вечером в саду. Или еще какие-нибудь причины заставили ее ночью выйти из дома престарелых. Старики — они на-

род загадочный и скрытный. Впрочем, полицейские во всем разберутся. Обещали приехать.

Когда Гуров услышал про мертвую старушку и про полицейских, он поднялся из-за стола и решил сходить на место происшествия. В нем моментально проснулся сыщик.

Где лежит мертвая старушка, Лев Иванович определил сразу же, как только сошел с крыльца санатория. На месте происшествия толпилось изрядное количество народа.

Гуров подошел ближе и осмотрелся. Ни полицейской машины, ни людей в форме он не увидел: должно быть, местная полиция еще не подъехала. Были лишь старики и старушки, пациенты из санатория и даже несколько дамочек в белых халатах. Люди толпились, шушукались, скорбно качали головами, но близко к мертвому телу не подходили.

Гуров проник сквозь толпу и подошел к старушке поближе. Она лежала на спине, вытянувшись в струнку, откинув назад руку и запрокинув голову. Покойница была как покойница, таких покойниц Гуров навиделся за свою бытность сыщиком немало, но все же какие-то подспудные, едва уловимые моменты Льва Ивановича в этом печальном зрелище насторожили.

Таких моментов было два. Во-первых, Гурова насторожило положение тела мертвой старушки. Конечно, люди умирают по-разному, всяк по-своему, и положение тел у них при этом также самое разное. Но одно дело, когда люди умирают собственной смертью, — в этом случае положение тела у них, можно сказать, обыкновенное. И совсем другое дело — когда людей убивают. Тут уж положение тела у них особенное. В чем именно заключается такая особенность, объяснить трудно, здесь имеется множество нюансов. Но сыщику с опытом такие нюансы всегда видны отчетливо. А Гуров как раз и был сыщиком с опытом, и потому он сразу же обратил внимание на положение тела мертвой старушки и решил, что ее убили.

Второй момент был еще более настораживающим, чем первый. На старушке был светлый осенний плащ, и этот

плащ был в изрядном беспорядке: раскрыт на груди, а правый карман вывернут. Такое впечатление, будто старушка, перед тем как умереть, что-то судорожно искала у себя за пазухой или в карманах. Или кто-то ее обыскивал.

Гурову просто-таки до чесотки в руках захотелось подойти к мертвой старушке ближе, осмотреть тело, затем осмотреть место происшествия, попытаться найти возможные следы преступника, всмотреться в них, определить, чьи они и куда ведут, — словом, выполнить всю первоначальную работу, каковую и полагается делать сыщику в подобных случаях.

Но усилием воли он сдержал свой профессиональный порыв. По идее, вот-вот должна была подъехать следственная бригада, и Гуров не хотел путаться у нее под ногами. Да и к тому же кем он был в данной ситуации? Можно сказать, что никем. Так, частным лицом, пациентом неврологического санатория «Сосновый бор». Гуров вздохнул, поднял воротник куртки, так как накрапывал дождь, и решил дождаться прибытия местной полиции.

Полиция и впрямь скоро прибыла. Но ни следователя, ни эксперта, ни оперуполномоченного Лев Иванович, к своему удивлению, не увидел. Из машины нехотя вышли два сержанта и, ежась под дождем, приблизились к мертвой старушке.

— Кто ее знает? — спросил один из сержантов, обращаясь сразу ко всей толпе.

— Я, — протиснулась вперед какая-то женщина. — Она — наша...

— Ваша — это чья? — спросил сержант.

— Из дома престарелых, — пояснила женщина.

— А вы кто? — спросил сержант у женщины.

— Я заместитель директора дома престарелых, — пояснила женщина и повторила: — Наша она. Елизавета Петровна Калинина. Восьмидесяти лет от роду...

— Понятно, — сказал сержант. — Чем-то болела?

— Елизавета Петровна? Конечно, болела. Старики — они все болеют...

— Угу, — сказал сержант. — Восемьдесят лет, болела... Оттого и умерла. В общем, дело ясное. Расследовать здесь нечего. Сейчас подъедет «Скорая», и ее увезут.

Оба сержанта повернулись и торопливо зашагали к машине, уселись на сиденье, и один из них стал заполнять какие-то бумаги. Гуров недоуменно хмыкнул, почесал лоб, подошел к машине и постучал в стекло.

— Что? — приоткрыл дверцу сержант.

— И это все? — спросил у него Гуров.

— Вы о чем? — не понял сержант.

— Я о мертвой старушке, — пояснил Гуров. — А как же осмотр тела и осмотр места происшествия? А опрос свидетелей?

— Каких еще свидетелей? — поморщился сержант. — При чем тут свидетели? Дело ясное — человек умер своей смертью. Восемьдесят лет, всякие болезни... Все, что нам было нужно, так это установить личность умершей. Ну, мы установили...

— А вы что же, медицинский эксперт-криминалист? — спросил Гуров.

— Что? — прищурился сержант, глядя на Гурова.

— Я говорю, откуда вам известно, что старушка умерла своей смертью? А может, ее убили?

— Ха! — с иронией сказал сержант, подумал и спросил у Гурова: — А вы, собственно, кто такой?

— Никто, — угрюмо ответил Лев Иванович. — Лечусь в санатории.

— Вот и лечитесь! — отрезал сержант. — Лезут тут всякие. Указывают... Тоже мне сыщик нашелся!

— И все-таки, — не отступал Гуров, — вам бы следовало осмотреть тело. Хотя бы — проверить карманы. А вдруг у нее в карманах предсмертная записка? Или какая-нибудь драгоценность. Всякое бывает...

— А ведь и вправду! — произнес второй сержант. — Тело-то мы не осмотрели. А ведь полагается. Мало ли что в карманах у этой старушки...

— Черт! — недовольно сказал первый сержант, вылезая из машины. — Еще и дождь, как назло! Ходят тут всякие, советуют... — он злобно покосился на Гурова.

— Прошу прощения за беспокойство, — развел руками Лев Иванович.

Сержант ничего не сказал, вместе с напарником подошел к мертвой старушке и принялся шарить у нее в карманах.

— Предсмертная записка, драгоценности! — передразнил он Гурова. — Ничего нет! Карманы пустые!

— Понятно, — сказал Гуров. — А каких-нибудь пятен на одежде вы, случаем, не обнаружили? Которые похожи на кровь...

На этот раз сержант и вовсе не удостоил Гурова ответом, забрался в машину и вновь принялся за бумаги. Подъехала «Скорая». Сержант, не вылезая из автомобиля, коротко поговорил с фельдшером и сунул ему исписанную бумагу. Фельдшер взмахнул рукой, из «Скорой» показались два человека с носилками, растолкали толпу, подошли к покойнице, погрузили ее на носилки и унесли. «Скорая» тронулась.

— Подождите! — крикнул Гуров сержанту, видя, что и полицейские тоже собираются уезжать.

— Ну, что еще? — спросил сержант, приоткрывая дверцу машины. — Как же ты мне надоел, дядя!

— Пусть ваш оперуполномоченный, который будет расследовать это дело, заскочит в санаторий и спросит Гурова Льва Ивановича. Это я. Не забудьте, пусть спросит Гурова Льва Ивановича.

— Зачем? — лениво спросил сержант.

— Мало ли, — уклончиво ответил Гуров. — Вдруг ему захочется со мной пообщаться. Всякое бывает...

Сержант ничего не ответил, захлопнул дверцу, и машина тронулась. Лев Иванович стоял под дождем и смотрел ей вслед. Он не сердился на дураков-сержантов ни за их непрофессионализм, ни за их невежливое отношение к нему. Та-

ких сержантов он увидал на своем веку немало, на всех сердиться — никакой злости не хватит. Сейчас он думал о гипотетическом оперуполномоченном, который, по идее, должен задуматься над обстоятельствами смерти старушки. А ведь должен, если не дурак, — потому что и дураков-оперуполномоченных Лев Иванович увидал предостаточно. И если этот неведомый Гурову местный опер и впрямь не дурак, то он обязательно расспросит оболтусов-сержантов обо всех обстоятельствах и нюансах, связанных со смертью старушки, и явится к Гурову, если, конечно, сержанты скажут ему о том, что Гуров просил явиться.

А уж Льву Ивановичу есть что сказать местному оперу. Во-первых, о необычном положении тела мертвой старушки. Во-вторых, о ее расхристанном плаще и вывернутом кармане. Ну, и в-третьих, у самого Гурова есть о чем спросить местного опера. Например, от чего умерла старушка: экспертизу-то, наверное, все равно так или иначе будут проводить.

Возможно, размышлял далее Гуров, он переусердствовал в своих предположениях и старушка действительно умерла своей смертью, несмотря на положение тела, расхристанный плащ и вывернутый карман. Что ж, и замечательно. То есть, конечно, ничего хорошего, когда человек умирает, а замечательно то, что ее не убили и она умерла по естественным причинам. А вот если бабулю действительно убили, то тут, конечно, напрашивается целый ворох всевозможных дополнительных вопросов и предположений.

Во-первых: как именно и чем именно убили? Будучи рядом с телом, Гуров не заметил следов крови. Конечно, этот факт сам по себе ни о чем не говорит — разве мало бывает бескровных убийств? Уж Гуров-то об этом знает раскрепасно. Ну, а коль убили, то кто и зачем? Старушки существа, так сказать, загадочные. Они почти как непорочные ангелы, все их прегрешения, если они и были, в прошлом. А теперь они сплошная невинность и чистота. Так за что же убивать невинную и чистую душу? Конечно,

бывает всякое, и на безгрешную душу найдется нелюдь, но все равно — в преждевременной смерти любой старушки или старика всегда таится некая печальная загадка. Хотя, опять же, может быть и такое, что никакой особой загадки и нет, а просто шел мимо какой-то варнак, увидел одинокую гуляющую старушку и подумал: а дай-ка я проверю, что у нее в карманах. Старушки — они запасливые, может быть, что-то ценное найдется. Ну, а дальше все понятно и без дополнительных комментариев...

Вот обо всем этом Гуров и поговорит с местным оперуполномоченным. Конечно, если тот явится...

Глава 4

Когда Лев Иванович вернулся в санаторий, было уже обеденное время. В столовой народ обсуждал недавнее событие — мертвую старушку в саду. Гуров прислушался. Он всегда, если бывала такая возможность, старался прислушиваться к народному мнению относительно того или иного происшествия. Нередко он специально совершал хождение в народ, чтобы выслушать народные версии касательно того или иного происшествия. Прикинувшись зевакой или просто случайно шедшим мимо мужичком, он останавливался близ судачившего народа и слушал, слушал, слушал... А иногда даже принимал участие в споре, ловко вворачивая в разговор интересовавшие его вопросы.

Конечно, в большинстве случаев народные мнения являлись, так сказать, вольным плодом народного творчества, но иногда кто-нибудь выдавал настолько разумное и обоснованное мнение об интересующем его предмете, что Гуров приходил в тихий восторг. И тогда он брал это мнение в качестве основной версии, и на поверку оказывалось, что это была правильная версия, которая, в конце концов, приводила к раскрытию преступления.

Вот и сейчас Лев Иванович вроде как бы безучастно сидел за столом, ковырялся в тарелке, то и дело рассеянно

вглядывался в окно, а сам слушал. Нельзя сказать, что народ, принимавший участие в обсуждении недавнего происшествия, радовал Гурова разнообразием предположений и мнений о случившемся. Большинство сходилось на том, что старушка все же умерла собственной, естественной смертью. Вышла, мол, погулять перед сном по саду и неожиданно скончалась. Конечно, все это печально, но, как говорится, все там будем. То есть это была та же самая версия, которую выдвинули два оборота-сержанта.

Но выдвигались и другие мнения. Их было совсем немного, но они все же имели место быть. Кто-то за столиком в углу настойчиво доказывал, что в смерти старушки не все так просто, а есть в ней некая загадка. Для чего, к примеру, старушке нужно было идти в сад? Прогуляться перед сном? Очень может быть, но ведь прошлым вечером, насколько помнится, накрапывал дождик. Какие могут быть прогулки, когда идет дождь, а тебе восемьдесят лет? А может быть, старушку привели в сад какие-то обстоятельства чрезвычайного характера? Но тогда какие? Да и потом: откуда известно, что старушка умерла именно вечером? А может, она скончалась ночью? Или даже под утро? А тогда возникают дополнительные вопросы. Например, о том, что понадобилось покойнице ночью в саду? И вообще, почему пожилую женщину не хватились в доме престарелых, когда заметили ее отсутствие? Или у них там воля вольная? Тем более что никто пока не знает истинных причин ее смерти. Да хоть бы они и были известны, что с того? Допустим, у старушки случился инфаркт. Ну, так до него можно и довести! Допустим, сообщил старушке кто-то в саду неприятную весть, вот тебе и инфаркт. Старушкам много ли надо? Так что как вы себе хотите, а в деле смерти бабули ничего еще не ясно.

Гуров вслушивался в эти доводы и одновременно внимательно разглядывал того человека, который их произносил. Это был средних лет мужчина, приблизительно ровесник Гурова, с плешью на голове, изрядным животиком

и круглым добродушным лицом. Судя по всему, такой же страдалец невралгией, что и Гуров. Кажется, Лев Иванович видел его впервые. А может, сталкивался с ним и раньше, но не обратил на него внимания.

Закончив говорить, мужчина встал из-за стола и направился к выходу. Гуров пошел за ним. Поступил он так неспроста и не скуки ради. У него уже возникло и крепло убеждение, что ему, пожалуй, придется заняться причиной гибели старушки. Во-первых, в ее смерти и впрямь таились некоторые загадки. Во-вторых, Гуров сомневался, что местная полиция пожелает всерьез расследовать это дело. Кто их знает, этих местных полицейских, вдруг они все здесь такие, как те два сержантика? В-третьих, сейчас у Гурова бушевал в душе инстинкт сыщика, и заглушать его голос Гуров не хотел, да и, пожалуй, был не в состоянии. А может, это был вовсе и не инстинкт, а просто зов совести или особенность характера Гурова, что, в принципе, было одно и то же. В общем, неважно. Важно другое. Ведь если старушке и впрямь помогли умереть, то это означало, что где-то поблизости находится и тот, кто это сделал. То есть — убийца. Он по-прежнему живет и здравствует, радуется жизни, а может, и не радуется, а, опасаясь разоблачения, залег на дно. И то, и это было неправильно. Убийца — если старушку и впрямь убили — должен быть найден, разоблачен и посажен куда следует. Только так, и никак иначе. Так считал Гуров, и ничто на свете не могло его переубедить в обратном.

И что с того, что он на лечении в санатории? Значит, он будет действовать как неофициальное лицо, частным образом. Этакий, понимаете ли, частный детектив Лев Гуров. А коль так, то ему нужен помощник — умный, совестливый и неравнодушный к чужим бедам. Отчего бы не попытаться завербовать в помощники этого мужика? Вот как складно, логично и разумно он рассуждал в столовой! И, что немаловажно, эти его рассуждения почти полностью совпадали с рассуждениями самого Гурова. То есть

этот мужик был потенциальным единомышленником Льва Ивановича. И это замечательно. Когда расследуешь преступление, очень важно, чтобы рядом находился помощник и единомышленник. Особенно если это частное расследование, когда сложно рассчитывать на поддержку закона, а в основном приходится полагаться лишь на собственные силы.

— Подождите! — окликнул Гуров мужчину.

— Вы это мне? — оглянулся незнакомец.

— Да, — сказал Лев Иванович.

Мужчина остановился и со спокойным любопытством посмотрел на Гурова: дескать, что тебе от меня надо?

— Меня зовут Лев Иванович, — представился Гуров.

— Федор Ильич, — в свою очередь отрекомендовался мужчина.

— Насколько я понимаю, вы — такой же болящий горемыка, как и я, — улыбнулся сыщик.

— Да уж, — улыбнулся в ответ Федор Ильич. — Имеются у меня некоторые проблемы по неврологической части.

Улыбка, которой улыбался мужчина, Гурову понравилась. Это была хорошая, чистая улыбка без всякого лицемерия и прочей двусмысленности. Так обычно улыбаются искренние и умные люди, которые, что называется, всегда и во всем на виду.

— Ну, и у меня тоже, — признался Гуров.

— Стало быть, мы с вами родственные души, — сказал Федор Ильич.

— Что-то вроде того, — подтвердил Лев Иванович. — Но я хотел поговорить с вами не о наших болячках, будь они неладны, а о другом.

— Говорите, — просто сказал Федор Ильич.

— Не здесь, — Гуров взглянул в окно. За окном попрежнему моросил дождь, а значит, послеобеденная прогулка отменялась. — Лучше у меня в номере. Я живу в нем один, так что никто нас не услышит и никто не помешает.

— Что, серьезный разговор?

— В какой-то мере.

— Ну, что же делать? Коль надо, то отчего ж не пойти, — согласился Федор Ильич.

Они пришли в номер Гурова, расположились, какое-то время молчали.

— В столовой я слышал, как вы толковали об убитой старушке, — сказал Лев Иванович.

— Неужто я говорил так громко? — удивился Федор Ильич.

— В общем, да, — улыбнулся сыщик.

— Подобное со мной бывает, — огорченно сказал Федор Ильич. — Так-то я мужик тихий, но вот когда увлекусь... Тут уж я перестаю замечать сам себя! И что же вас заинтересовало в моей громкой речи?

— Практически все — от начала до конца, — ответил Гуров. — Ваши выводы были складны, ладны и логичны. Ну, а перечень невыясненных вопросов, который вы озвучили, — это, знаете ли, вообще... Ни добавить, ни убавить.

— Спасибо, конечно, — с некоторым недоумением произнес Федор Ильич. — Но вам-то какое дело до той несчастной старушки?

— Да, в общем, никакого, — пожал плечами Гуров. — Или, точнее, такое же, как и вам.

— Ну, я-то — дело известное, — сказал Федор Ильич. — Я, так сказать, любитель всяческих загадок. Их разгадывание у меня что-то вроде хобби. Вот как увижу какое-нибудь запутанное дело, так и тянет его распутать!

— И что же, удастся? — с интересом спросил Гуров.

— Когда как...

— Значит, смерть старушки вы также считаете делом запутанным?

— В общем, да. О чем я столь громогласно и сообщил недавно в столовой. Но все-таки мне непонятно: для чего вы завели со мной этот разговор? А, кажется, понимаю! Вы такой же любитель всяких тайн, как и я. Угадал?

— Почти, — сказал Гуров. — Но только я не любитель, а профессионал.

— Это как же?

— Полковник полиции. Старший оперуполномоченный уголовного розыска.

— Вот оно как! — Федор Ильич удивленно посмотрел на Гурова. — А я-то думаю, для чего вы завели со мной этот разговор? А оно вишь ты как... Что же, вы расследуете этот случай со старушкой?

— Нет, — сказал Гуров. — Я здесь поправляю здоровье. То есть я частное лицо. Но понимаете ли...

— Понимаю, — улыбнулся Федор Ильич. — Сыщик — он всегда сыщик. В любой ситуации. Знаем, слышали такую истину.

— В общем, да, — согласился Гуров. — Сыщик — всегда сыщик. Так же как и вы. Только вы сыщик-любитель, а я сыщик-профессионал. Или, может, мы с вами коллеги, но только вы не желаете сознаваться? Давайте уж откровенность за откровенность.

— Увы, — развел руками Федор Ильич. — Никакой я не сыщик-профессионал. Я по профессии водитель автобуса. И лечусь здесь от профессиональной шоферской болезни — радикулита. Знаете, когда целыми днями сидишь за баранкой...

— Знаю, — сказал Гуров.

— Вот то-то и оно, — печально произнес Федор Ильич, подумал и спросил: — И что же от меня надо полковнику полиции?

— Содействия и помощи, — пояснил Лев Иванович. — Я слушал вашу речь в столовой, и, вы знаете, я думаю точно так же. То есть мы с вами единомышленники. И это замечательно. Это означает, что вдвоем мы все загадки со старушкой разгадаем.

— Вы хотите заняться расследованием?

Гуров ничего не ответил и лишь развел руками. Дескать, куда же деваться? Даже если и не хочется, то все равно придется.

— Но ведь есть же местная полиция... — неуверенно предположил Федор Ильич.

— Как же, есть, — с неудовольствием ответил Гуров. — Довелось мне с нею пообщаться, с этой местной полицией. И если все полицейские у них такие, то...

— Понимаю, — сказал Федор Ильич. — Старушка — в летах, а это значит, что она скончалась собственной смертью. Такова их основная версия, она же единственная...

— Вот именно, — подтвердил Гуров.

— Но ведь, наверно, патологоанатомы будут определять причину смерти... А вдруг — убийство?

— Может, будут, а может, и не будут, — мрачно произнес Гуров. — Никаких видимых телесных повреждений на старушке вроде как не замечено, так для чего же проводить экспертизу? Зачем создавать себе лишнюю работу? Умерла бабуся, ну и бог с нею...

— А что, бывает и такое?

— К сожалению, бывает, — вздохнул Гуров.

— Ну, коли так... — с некоторой нерешительностью произнес Федор Ильич. — Если вам и вправду нужна моя помощь...

— Очень нужна! — горячо заверил Гуров.

— Что ж... Все веселее будет время в санатории проводить. И что же от меня требуется?

— Пока не знаю, — ответил сыщик.

— Понятно. Раскрытие любого преступления начинается с составления плана...

— Вот именно, — подтвердил Гуров и подозрительно взглянул на собеседника: — Слушайте, вы и вправду не полицейский?

— Ни с какого боку! — заверил Федор Ильич. — Просто читал в детективных романах. В них много о чем говорится. И о том, как приступать к раскрытию преступлений, и о всяких других хитростях и штучках...

— А, так вы еще и детективы читаете!

— А то!

— Ну, тогда давайте подумаем над планом. А чтобы нам было удобнее думать, сделаем так. Переселяйтесь-ка вы ко мне в номер! Кровати-то здесь две! По-моему, так будет гораздо лучше расследовать смерть старушки. А то вдруг меня осенит ночью какая-нибудь идея! Где мне вас тогда искать?

— А что, бывает, что осеняет и по ночам?

— Сколько угодно!

— Тогда действительно... В общем, ждите меня с чемоданом! Я мигом. Только проинформирую нянечку и соберу вещички.

Через пятнадцать минут Федор Ильич вернулся с вещами.

— Ну, вот, — сказал Гуров, — и хорошо. А теперь будем сочинять план расследования.

— Да, но только с учетом, что мы — люди болезненные и резкие движения нам противопоказаны, — уточнил Федор Ильич. — План планом, но без всяких драк и погонь!

— Дельное замечание, — согласился Гуров.

И они оба рассмеялись.

Глава 5

План был в общем и целом обыкновенный, стандартный. Таких планов Гуров за всю его бытность сыщиком составил столько, что точное число их не поддавалось никаким подсчетам. Во-первых, нужно было узнать причину смерти старушки. Это было главным. Если она умерла своей смертью, то проводить расследование смысла не было.

Как можно было узнать причину смерти старушки? Ну, например, от местного оперуполномоченного, если он явится побеседовать с Гуровым. А не явится — не беда. В любом случае о причине смерти будут знать в доме престарелых. Обычно полиция сообщает родным и близким результаты экспертизы, а у покойницы, судя по всему, не было никого ближе, чем администрация стариковского приюта. Если бы у старушки были близкие, то вряд ли она

находилась бы в этом печальном заведении. Дом престарелых — приют для одиноких стариков. Ну, а узнав причину смерти, можно уже думать и над другими пунктами плана.

— В общем, как бы там ни было, а нам придется подождать до завтра, — сказал Гуров.

— А почему именно до завтра? — поинтересовался Федор Ильич.

— Обычно даются сутки, чтобы определить причину смерти, — пояснил Гуров. — Это не закон, но устоявшаяся традиция.

— Понятно, — сказал Федор Ильич. — Но вот что меня беспокоит...

— Что тело вообще не будут вскрывать? — продолжил его мысль Гуров. — И такое может быть. О чем, собственно, мы уже говорили. Что ж, на этот счет у меня есть предложение. Будем начинать расследование вслепую. То есть, образно выражаясь, отталкиваться от пустоты.

— А что, и такое бывает?

Гуров ничего не ответил и лишь красноречиво развел руками.

— Значит, будем ждать до завтра? — уточнил Федор Ильич.

— И да, и нет, — загадочно ответил Гуров.

— А если чуть-чуть точнее?

— Дождь, кажется, прекратился, — взглянул Лев Иванович в окно. — А потому — не сходить ли нам на место происшествия?

— Ну... — с сомнением произнес Федор Ильич.

— Понимаю, коллега, что вы хотите сказать, — усмехнулся Гуров. — Происшествия случилось ночью, а следы, если они и были, затоптаны зеваками и смыты дождем. Все, конечно, так. А только иногда бывают такие следы, которые невозможно уничтожить. Вот их-то мы и поищем. Ну, а найдем или не найдем — это уж как повезет.

— Тогда пошли, — с готовностью сказал Федор Ильич. — Но неторопливым шагом...

— Что, радикулит дает о себе знать? — спросил Гуров. — Понятно — дождь. Это его любимая погода.

— Да он у меня в любую погоду не дремлет, зараза! — с досадой отозвался Федор Ильич. — Для него что дождь, что солнце — все едино!

— Так, может, не пойдём? — спросил Гуров. — Или я схожу один, а затем доложу вам о результатах осмотра во всех подробностях.

— Нет-нет! — горячо запротестовал Федор Ильич. — Пойдем обязательно! Не так уж он меня и донимает. Особенно если передвигаться неторопливым шагом... Да, а у вас-то как с вашим радикулитом?

— С хондрозом, — поправил Гуров.

— Ну, без разницы...

— Примерно как и у вас. А вообще мне кажется, что нам пора перейти на «ты». Страх как не люблю «выкать».

— Да и я тоже.

— Вот и прекрасно. Тогда пошли. Медленно и осторожно, чтобы никто не заподозрил, что мы занимаемся делом. Пускай думают, что мы просто гуляем. А то ведь покоя не дадут с замечаниями и советами... Да еще и следом будут ходить толпами.

— Так ведь больной народ! — вздохнул Федор Ильич. — Надо же людям как-то развлекаться... Ну что, пойдём разгадывать тайну?

— Ох! — произнес Гуров и поднялся с кресла, демонстративно держась за поясницу.

— Ах! — произнес Федор Ильич, также держась за свою поясницу.

Сразу к месту, где было обнаружено тело старушки, они не пошли. Наоборот, прошли мимо этого места раз, второй, третий... И только убедившись, что на них никто не обращает внимания, приблизились к тому самому месту, где и была найдена мертвая старушка Елизавета Петровна Калинина.

— Вот тут ее и обнаружили, — сказал Гуров.

— Да, но что толку? — спросил Федор Ильич. — Вот сколько листвы насыпало. Да и дождь... Что тут найдешь? Какие доказательства?

Гуров ничего не сказал в ответ и принялся осматривать местность. Он повертел головой вправо-влево, хмыкнул, отошел на добрых два десятка шагов от места обнаружения трупа, молча постоял, затем сделал столько же шагов в другую сторону... Федор Ильич молча наблюдал за передвижениями Гурова.

— Интересно... — пробормотал Лев Иванович. — Очень даже любопытно...

— И что именно? — осторожно спросил сыщик-любитель.

— Ну-ка, Федор Ильич! — попросил Гуров. — А ступайка ты вон туда! Да-да, на ту дорожку, по которой гуляют люди. И понаблюдай оттуда, что ты видишь, а чего, наоборот, не видишь. Да не стой на месте, а походи туда и обратно.

Федор Ильич пожал плечами и отправился к указанному месту. Там он остановился и принялся вертеть головой во все стороны. А затем прошелся по дорожке.

— Посмотрел? — крикнул ему Гуров. — Что ж, ступай обратно. Вот, ты пришел... А теперь скажи — что ты видел, стоя на дорожке и гуляя по ней, а чего, наоборот, не видел?

— А что там можно увидеть особенного? — Федор Ильич еще раз пожал плечами. — Деревья видел. Кусты...

— А меня за теми деревьями и кустами ты видел? — спросил Гуров.

— Нет... — с некоторым удивлением произнес Федор Ильич. — Как раз тебя видно не было. Деревья и кусты здесь растут так, что загораживают это место.

— Очень хорошо, — сказал Гуров. — А теперь ступай вот по этой тропинке. Она ведет прямо к ограде у дома престарелых, а в той ограде есть калиточка. Я обратил внимание... Так вот ступай по этой тропинке и остановись через двадцать шагов. И осмотришь.

Федор Ильич пошел по тропинке, прошел двадцать шагов, остановился, осмотрелся, прошел еще некоторое расстояние, опять остановился и осмотрелся, а затем молча вернулся в Гурову.

— И оттуда тебя не видно, — сказал он. — Я дошел почти до самой ограды... Вот ведь угораздило старушку умереть именно в таком месте, где ее никто не мог увидеть! Ни с какого боку. Будто нарочно... — Он не договорил и с озадаченным видом уставился на Гурова.

— Вот и я думаю о том же самом, — задумчиво сказал Лев Иванович. — Местечко будто нарочно создано для убийства. Ни с какой стороны его не видно. Ни со стороны стариковского приюта, ни со стороны асфальтированной дорожки. Совпадение? Может, и так. А может, и нет. Вот если бы я задумал убить кого-то в этом саду, то выбрал бы именно это место.

— Не знаю, не знаю, — засомневался Федор Ильич. — По всей видимости, бабуля умерла или вечером, или ночью, или рано утром. В общем, в темное время суток. А когда темно, то ничего не видно с любого места. Будь я убийцей, я бы ее убил в любом месте. Когда темно, без разницы, где убивать.

— Ну, не скажи, — не согласился Гуров. — Во-первых, в саду горят фонари. А от них, понятное дело, светло. А во-вторых, что по асфальтовой дорожке, что по тропинке кто-то может разгуливать и в темное время суток. Разве нет?

— В принципе, да, — согласился Федор Ильич. — Например, те же старички, у которых стариковская бессонница. Или взять, к примеру, меня. Вот, скажем, прошлой ночью меня так скрутил радикулит, что упаси и помилуй! Лежу и размышляю: уж не прогуляться ли мне по ночному саду? Может, думаю, полегчает.

— Вот именно, — подытожил Гуров. — Сад — место людное. Хоть днем, хоть ночью. И просто так, посреди асфальтовой дорожки и под фонарем, человека не убьешь. Поневоле нужно отыскать темное местечко...

— Как, например, вот это, — указал пальцем на место обнаружения трупа Федор Ильич. — Ни с той стороны ничего не видно, ни с этой. Да вот только все равно — есть у меня сомнения...

— Выкладывай, — коротко сказал Гуров.

— Послушай, Лев Иванович. Ты, конечно, в своем деле специалист, это видно сразу. Не то что я, дилетант. А только все равно... Ведь это что же получается? А получается вот что. Допустим, нашу бабулю и впрямь того...

— Ну-ну, — поощрил собеседника Гуров.

Он понимал, куда клонит Федор Ильич и что он хочет сказать, но хотел выслушать его от начала до конца. Да и как иначе? Ведь они были напарниками, то есть совместно пытались разобраться в запутанных обстоятельствах, связанных со смертью старушки. А напарники должны быть равны во всем, здесь неуместны ни чины, ни регалии, ни опыт. Таков у Гурова был житейский и профессиональный принцип. Или, точнее говоря, сам Гуров был таким.

— Так вот я и говорю, — продолжил Федор Ильич. — Если тот, кто отправил бабулю на тот свет, сделал это в таком месте, с которого ничего не видно ни в какую сторону, то что же это означает? А означает следующее: он заранее присмотрел это местечко. А коль так, то, следовательно, преступник заранее готовился к убийству, планировал его... Но послушай, Лев Иванович! Ведь это же смешно! Полная ерунда! Кто такая эта старушка, что кому-то ее надо убивать, да еще заранее планируя это дело? Обычная бабушка, каких в этом заведении, что напротив, должно быть, десятки. Кому она нужна, чтобы ее убивать? Уж не заигрались ли мы с тобой в сыщиков, а? Заранее спланированное убийство, хм... Ты еще скажи, заказное убийство.

— А почему бы и нет? — спокойно произнес Гуров. — Разве мы что-нибудь знаем об этой бабуле? Ну, кто она, что она, как и почему она оказалась в доме престарелых и так далее?

— Таинственная старушка, — с иронией сказал Федор Ильич, — которая за свою жизнь скопила миллионы и не пожелала ими поделиться. Что ж, мысль понятна. Но разве в жизни так бывает?

— Ах, Федор Ильич! За что только люди не убивают друг друга! Ладно бы за миллионы — так ведь бывает, что за копейки. А то и вовсе за просто так! Всякое бывает.

— Ну, тебе, конечно, лучше знать.

— К прискорбию.

— И что же будем делать дальше?

— Ждать завтрашнего дня. А там будет видно... А пока пойдем отсюда. Ничего интересного мы больше здесь не раскопаем. Ох! — и Гуров взялся за поясницу.

— Ах! — поддержал его Федор Ильич, взявшись за собственную поясницу.

Глава 6

Местный оперуполномоченный появился в санатории на следующий день. Гуров в это самое время, покончив с завтраком, принимал лечебные процедуры — ему массажили поясницу. Рядом, на соседней кушетке, те же самые процедуры принимал Федор Ильич.

— Лев Иванович Гуров! — раздался откуда-то издали женский голос. — Ау! Отзовитесь! К вам пришли!

— Ну, я Гуров! — дернулся на кушетке сыщик.

— Лежите спокойно! — велела Гурову процедурная сестра. — Лечение еще не закончено!

— Так ведь зовут! — сказал Лев Иванович. — Мало ли что...

— Подождут! — отрезала сестра.

— Как ты думаешь, Федор Ильич, — покосился Гуров на соседнюю кушетку, — кто это меня разыскивает?

— Должно быть, они! — многозначительно ответил Федор Ильич.

— И я так думаю, — согласился Лев Иванович. — А это означает, что...

— Скорее всего, так и есть, — сказал Федор Ильич и вздохнул. — Ну что за жизнь? Что за люди!

Они намеренно изъяснялись иносказаниями и недоговоренностями и не произносили слово «полиция». Для чего посторонним, хотя бы тем же медсестрам, производившим лечебные процедуры, знать, что Гурова разыскивает полиция? Начнутся домыслы, суды-пересуды, а это может помешать Гурову и Федору Ильичу расследовать убийство старушки. Поэтому лучше было помалкивать и выражаться иносказательно.

Скоро процедуры у Гурова и Федора Ильича закончились, и они, встав с кушеток, направились в вестибюль, где, по их предположениям, должен был томиться в ожидании Льва Ивановича представитель местной полиции. Он действительно был там. Немолодой мужчина, больше похожий на бухгалтера заштатной конторы, чем на полицейского, сидел в кресле и рассеянно смотрел в окно. Видимо, ему сказали подождать, пока Гурова разыщут, вот он и ждал.

То, что оперуполномоченный не был похож на полицейского, приободрило Льва Ивановича. Он интуитивно опасался полицейских, у которых буквально-таки на лбу значилось, что они именно полицейские и никто более. В разное время Гуров натерпелся немало лиха от таких полицейских. Почему-то почти всегда они были примитивными, туго соображающими и прямолинейными служаками, между тем как в сыском деле требовались совсем другие, прямо противоположные качества. Да и какой из такого полицейского мог быть сыщик, если от него буквально за версту разило, что он именно сыщик и никто более? Кого он может выследить, к кому войти в доверие? Совсем другое дело — сыщик, не похожий на полицейского. К такому коллеге у Гурова было куда как больше доверия.

— Если вы ищете Гурова Льва Ивановича, то это — я, — сказал сыщик, подходя к оперуполномоченному.

Местный опер оторвался от созерцания законных пейзажей и, подслеповато мигая глазами, посмотрел на Гурова.

— Очень рад, — сказал он и поднялся с кресла. — А разрешите полюбопытствовать? Вы — тот самый Гуров, который из Москвы... который...

— Да, — сказал Гуров, — тот самый.

— Как же, слышал... доводилось, — сказал похожий на бухгалтера опер, с интересом разглядывая знаменитого полковника. — И вот... довелось познакомиться. И что же вы делаете в наших краях?

— Как видите, лечусь, — сказал Гуров. — От хондроза. Мерзкая болячка, доложу я вам.

— Ну да, ну да, — закивал местный опер. — Понимаю... Ну, а я...

— Стоп! — прервал коллегу Гуров. — Этот вестибюль — не место для деловых разговоров. А потому прошу ко мне в номер. Там и поговорим.

— Да, конечно, — согласился местный опер.

— Э, да ты, оказывается, знаменитость! — улыбаясь, шепнул Гурову Федор Ильич. — Просто-таки столичная штучка!

— А то! — самым торжественным тоном произнес Гуров. — Ну, пошли, что ли.

В номере Лев Иванович прежде всего предъявил местному сыщику свое служебное удостоверение. С ним Гуров не расставался никогда — мало ли что? А вдруг пригодится. И вот, похоже, пригодилось.

— Ну да, ну да, — произнес сыщик, взглянув в удостоверение. — Действительно — Гуров Лев Иванович. Все правильно. Ну, а я — Прокопня Василий Львович. Такая, значит, у меня фамилия — Прокопня. Майор. Из отдела по расследованию убийств.

— А это, — указал Гуров, — Федор Ильич. Мой друг и коллега.

— Тоже полицейский из Москвы? — спросил Прокопня.

— Не из Москвы и не полицейский, — ответил Лев Иванович. — Он детектив-любитель.

— Очень рад, — сказал Прокопня, с удивлением глядя на Федора Ильича. Наличие при знаменитом сыщике Гурове еще и частного детектива несколько его озадачило. — И что, вы тоже того... лечитесь здесь от хондроза?

— От радикулита, — уточнил Федор Ильич.

— Понятно, — сказал Прокопня, хотя по тону и удивленному взгляду было заметно, что ему понятно далеко не все.

Но он воздержался от дополнительных расспросов и погасил свое удивление. Гуров это, конечно же, заметил и оценил. Удержаться от вопросов до нужного момента и скрыть удивление — это очень ценные качества настоящего сыщика. И коль этот майор так поступил, то, видимо, он был настоящим профессионалом в сыском деле. И это замечательно.

— Скажите, — обратился Гуров к Прокопне, — вы кому-нибудь здесь говорили, что вы из полиции?

— Нет-нет! — замахал руками местный опер. — Что вы! Ведь непременно подумали бы, что я пришел насчет старушки, умершей вчера... Представляете, сколько бы набежало зевак! Ходили бы за мной толпами! Ведь такое дело!.. А они — больные, им скучно. Это мы понимаем. Но... — тут майор Прокопня запнулся, а потом продолжил: — Зачем вы меня об этом спрашиваете и для чего пригласили? Может, вы хотите что-нибудь мне сообщить?

— Скорее, помочь, — сказал Гуров. — Надеюсь, вы не откажетесь от помощи коллег?

— О, конечно! — воскликнул Прокопня. — Приму с благодарностью! Вот только...

— Что?

— Ну, вы вроде как на лечении в санатории. Для чего же вам возиться?

— А как вы сами думаете? — улыбнулся Гуров.

— Сыщик — он всегда сыщик, — улыбнулся в ответ майор. — Даже когда он в санатории на лечении. Хотя мне кажется, что это неправильно. Преступлений много, а здоровье — одно.

— Вы говорите, как моя жена, мои коллеги и мое начальство! — вознегодовал Гуров.

— Вот видите...

— И все же это вопрос философский, — заметил Лев Иванович. — Одно у меня здоровье или целых четыре — это не так и важно. Важнее другое. Или, может, вы отказываетесь от нашей помощи?

— Нет, что вы! Я же сказал!

— Вот и замечательно. Тогда прошу садиться, — предложил Гуров и взглянул на Прокопеню. — Итак: коль вы из отдела по расследованию убийств, значит, старушку убили. Я прав?

— Да, — кивнул местный опер.

— Вот как! — присвистнул Федор Ильич. — А я, признаться, сомневался. Думал, что бабуля все же умерла сама по себе. Естественной смертью. Потому что убивать ее вроде не за что.

— Вчерашнее вскрытие показало... — сказал Прокопеня. — Судмедэксперт, конечно, не хотел вскрывать. Мол, для чего вскрытие нужно, когда ей восемьдесят лет? Но я настоял. Как чувствовал...

Гуров еще раз одобрительно взглянул на майора Прокопеню. Его слова «как чувствовал» означали, с точки зрения Гурова, следующее. У майора присутствовала интуиция — редчайшее и незаменимое качество настоящего сыщика. «Ура! — подумал Лев Иванович. — Не все, значит, здесь такие балбесы, как те два сержанта!»

— И чем же ее убили? — спросил Гуров.

— Чем-то острым и тонким, — ответил Прокопеня. — Шилом или, может, спицей... В спину. Ткнули аккуратно между ребер и достали до сердца. Оттого и не было видно крови.

— Я так и предполагал, — задумчиво проговорил Гуров. — Чем-то острым в спину... Федор Ильич, что ты думаешь по поводу такого способа убийства?

— В книжках пишут, что так убивают опытные убийцы, — сказал Федор Ильич. — Матерые уголовники, киллеры... Малоопытный субъект так не убивает.

— А вы как считаете? — взглянул Гуров на Прокопеню.

— В общем, так же, — пожал тот плечами. — Здесь, видите ли, нужен определенный навык. Хорошо поставленный удар, понимание, куда именно надо бить и с какой силой...

— Вот именно, — подытожил Гуров.

— Ну и ну, — покачал головой Федор Ильич. — Это что же получается — нашу старушку убил киллер? Конечно, в этом мире возможно все, но... Просто я хочу понять...

— Ну, до этого твоего «понять» нам, похоже, еще грести и грести! — сказал Гуров. — Василий Львович, вы были на месте происшествия?

— Виноват...

— Ну, на том самом месте, где обнаружили мертвую старушку, — пояснил Гуров.

— Увы, нет, — развел руками Прокопеня. — Видите ли, я просто не знаю, где оно находится. Вчера я не выезжал на место преступления. Наверно, это было моей ошибкой, но... — он развел руками. — Выезжали два местных сержанта, но как я у них ни выспрашивал о месте происшествия, ничего конкретного они мне не сказали.

— Это можно было предположить, — невесело усмехнулся Гуров. — Ох уж эти сержанты! Что ж, тогда мы сами покажем вам место убийства. Это очень любопытное местечко. Там есть на что посмотреть и над чем задуматься.

— Да-да, — закивал Прокопеня и засуетился, поднимаясь с кресла. — Что ж, тогда пойдем.

— А по пути мы вам расскажем, в каком виде была обнаружена мертвая старушка. Мне кажется, что и тут есть над чем поразмыслить, — сказал Гуров.

Глава 7

— И что скажете? — спросил Гуров у Прокопени, когда они пришли на место происшествия и осмотрелись.

— Так это... — потер лоб майор. — Место как место... Хотя... Ничего не видно — ни с какой стороны. Будто нарочно... Тут что хочешь можно сделать, а все равно не видно.

— Мы пришли к такому же выводу, — согласился Федор Ильич. — Укромное местечко.

— Два штриха в картине — это в нашем деле много. Может статься, что у нас вырисовывается психологический портрет убийцы, — в раздумье проговорил Гуров. — Во-первых, преступник выбрал очень подходящее место для убийства. Во-вторых, само убийство выполнено весьма, скажем так, профессионально. Кстати, экспертиза дала заключение, когда именно наступила смерть?

— Вчера поздним вечером, — ответил Прокопеня. — Примерно в двадцать три часа. Или даже в полночь.

— Вот вам еще один штрих к картине, — сказал Гуров. — Во сколько наступает отбой во всяких казенных заведениях?

— У нас в санатории — в двадцать два часа, — произнес Федор Ильич.

— Думаю, что и в доме престарелых — в это же самое время, — предположил Гуров. — А то, может, и раньше. Все-таки старики. Они как дети, рано спать ложатся. Скажите, Василий Львович, у вас не возникают по этому поводу никакие вопросы?

— Возникают, — почесал за ухом Прокопеня. — Например, почему убитая в это время не спала, а гуляла по саду.

— И что вы думаете по этому поводу? — спросил Гуров.

— Ну... Допустим, у нее бессонница и она захотела прогуляться ночью... — неуверенно предположил майор.

— Но ведь в это самое время шел дождь, — сказал Лев Иванович. — Какие могут быть прогулки под дождем?

— А что, он и вправду шел?

— Да.

— Ну, тогда я не знаю... Может быть, ее кто-нибудь позвал по какому-то очень важному делу. Вот она и пошла на встречу, несмотря на дождь.

— Какие такие важные ночные дела могут быть у восьмидесятилетней старушки? — спросил на этот раз Федор Ильич.

— Всякие, — сказал Прокопеня. — Пока человек живой, у него могут быть разные дела. И дневные, и ночные, и в дождь тоже...

Этот разговор во многом походил на экзамен, да это, по сути, и был своего рода экзамен. Гурову надо было как можно точнее знать, что представляет собой майор Прокопеня. Можно ли на него рассчитывать или Гурову вместе с Федором Ильичом самим придется распутывать дело об убийстве старушки. По всему выходило, что Прокопеня — толковый профессионал, на которого можно положиться и который не подведет.

— Да, конечно, — сказал Гуров Прокопене. — Мы с Федором Ильичом думаем точно так же. Точно такие же вопросы беспокоят и нас.

— Осталось выдвинуть версии и начать их проверку, — заявил Федор Ильич и посмотрел на Гурова: — Я прав?

— Абсолютно, — согласился Лев Иванович.

Втроем они вышли на асфальтированную дорожку и не спеша пошли по ней.

— Так вот, насчет версий, — сказал Гуров. — Какие будут предположения, коллеги?

— Я думаю, убийство с целью ограбления — это на данный момент основная версия, — проговорил Прокопеня. — Она хоть и дежурная, но есть в ней кое-какие моменты...

— Вот те на! — воскликнул Федор Ильич и даже остановился от неожиданности. — Убийство с целью ограбления! Ну и ну! Да откуда же тут взяться грабителю — в двенадцать

часов ночи! Что он тут забыл в такое-то время? Да еще под дождем?

— Всякое бывает... — неопределенно сказал майор.

— Ну да! — ядовитым тоном произнес Федор Ильич. — Всякое бывает... Перелез, значит, грабитель в самую полночь через забор и ну шастать по ночному саду в поисках старушек! Да ведь гораздо проще и, так сказать, прибыльнее ограбить кого-нибудь в городе, а не в ведомственном саду! Это уже получается не грабитель, а какой-то маньяк!

— Может, и маньяк... — не стал спорить Прокопья. — Говорю же, всякое бывает.

Федор Ильич на это ничего не сказал и лишь яростно поскреб ногтями голову.

— Ты забываешь, — сказал ему Гуров, — что старушку, похоже, кто-то обыскивал. И пальто у нее было расхристанно, и правый карман вывернут. А отсюда вопрос: кто это сделал и для чего?

— Значит, ограбление? — буркнул Федор Ильич.

— Во всяком случае, такую версию сбрасывать со счетов не следует, — пожал плечами Гуров.

— И все равно я не понимаю! — не желал сдаваться Федор Ильич. — Какой грабитель? Откуда ему тут взяться, да еще в полночь?

— Например, из санатория, — сказал Гуров. — Или из дома престарелых. Все просто. И через забор перелезть не нужно.

— Вот те на! — хлопнул себя по лбу Федор Ильич. — А ведь действительно... Чего уж проще!

— Ну, это только предположение, — ответил Лев Иванович. — Хотя, мне кажется, оно нуждается в серьезной проверке. Что вы на это скажете? — взглянул он на Прокопью.

— Надо будет проверить всех пациентов санатория, — сказал майор. — Кроме вас двоих, разумеется, — поспешил добавить он. — Черт его знает... Версия и вправду стоящая. А кроме того, нужно поискать свидетелей. Вдруг кто-то что-

то видел или догадывается... Ох, хлопотное дело! Ну да куда деваться?

— А как насчет постояльцев богоугодного заведения? — спросил Гуров.

— Вы имеете в виду дом престарелых? — скептически произнес Прокопня. — Вот тут я сомневаюсь...

— И в чем же именно?

— В том, что убийца из дома престарелых, — пояснил Прокопня. — Восьмидесятилетний старичок, он же грабитель-убийца, — это, знаете ли, похоже на анекдот.

— Старички бывают разные, — не согласился Гуров. — Доводилось мне общаться с очень шустрыми старичками... И даже — с шустрыми старушками!

— И все равно, — покачал головой Прокопня. — Да вы подумайте сами: какой смысл старику убивать старуху! С нее и взять-то нечего! Ее старушечью пенсию? Смешно.

— А вдруг эта старушка была богатой? — предположил Федор Ильич. — И в доме престарелых об этом знали? И кто-то позарился на ее богатство?

— Ну да, ну да, — иронично произнес майор. — Она была богатой и носила все свои сокровища в карманах пальто... Очень правдоподобная версия! Да и потом: если бы она была богатой, то не жила бы в государственном интернате. Это заведение — не для богатых.

— А может, и вправду действовал маньяк? — предположил Федор Ильич.

— Ох! — вздохнул Прокопня. — Так ведь до сих пор ни о каких маньяках в городе и слышно не было! Уж я-то знаю!

— Значит, начинающий маньяк, — продолжал гнуть свою линию Федор Ильич. — До сих пор не было, а тут вдруг взял да и завелся!

— Да, конечно, — самым кротким тоном произнес Прокопня. — И убийство несчастной восьмидесятилетней старушки в ночном саду под дождем — его, так сказать, дебют. Господин частный детектив, у вас очень богатая фантазия! С таким же успехом можно предположить, что

старушку убили инопланетяне. Как вам версия — подходящая?

И они все втроем рассмеялись. В самом деле, версии о маньяке и об инопланетянах можно было отставить в сторону. Похоже, дело было гораздо прозаичней.

— Ну, хорошо, — сказал Гуров. — Допустим, что убийцу среди постояльцев богадельни и впрямь искать смысла нет. Хотя... Я думаю, что навести кое-какие справки о покойной старушке все же не помешает. Кем она была, какой она была, с кем водилась, есть ли у нее родня. Мало ли... А вдруг что-нибудь раскопаем — интересное и перспективное?

— Кстати, о родне, — сказал Прокопья. — Это вторая версия, которую хочешь или не хочешь, а придется отрабатывать. Куда деваться? Конфликт детей и отцов, так сказать... О, здесь может крыться много чего нехорошего. Вплоть до убийства.

— Это так, — согласился Гуров. — Допустим, старушка не тому завещала свою квартиру или как-то не так распорядилась стариковскими накоплениями, или она и вовсе не пожелала ни завещать, ни делиться накоплениями... Да мало ли что может быть? В общем, версия перспективная. Говорю же, надо ознакомиться с жизнеописанием покойницы.

— Ну, а еще версии? — спросил Федор Ильич. — Лично у меня фантазия закончилась. Если, конечно, не считать инопланетян.

— Думаю, пока хватит и этих гипотез, — сказал Гуров. — Тем более что чем больше версий, тем больше гарантии, что правильной среди них нет ни одной. Я верно говорю, Василий Львович?

— О да! — сокрушенно покачал головой Прокопья. — Это, можно сказать, один из самых главных законов сыска.

— А тогда — остается распределить обязанности, — сказал Гуров. — То есть кто какую версию будет отрабатывать.

— Вы что же, и в этом деле хотите мне помочь? — удивился Прокопня.

— А почему бы и нет? — пожал плечами Гуров. — Помогать так помогать — до победного конца.

— Да, но вы вроде как находитесь в санатории на лечении... — неуверенно произнес майор.

— Вот потому-то лучше будет, если поиском предполагаемого убийцы в санатории займетесь вы, — сказал Гуров. — А то ведь обязательно скажут: вот, мол, твое дело лечиться и отдыхать, а не искать убийц. И будут отчасти правы. Так что вы уж копайте в санатории сами. А мы с Федором Ильичом тем временем навестим дом престарелых.

— А вас туда пустят? — усомнился Прокопня.

— Это меня да не пустят? — театрально удивился Гуров. — Куда они денутся? Тем более что мое удостоверение при мне. И в нем написаны очень серьезные слова. Ну, парад-алле! Сбор в нашем номере вечером. В нем мы и подведем первые итоги.

Глава 8

— Здравствуйте, — сказал Прокопня, войдя в приемную главного врача санатория. — Я майор Прокопня из городского уголовного розыска. Вот мое удостоверение.

— Здравствуйте, — сказала удивленная секретарь. — Я вас слушаю.

— Мне нужно видеть главного врача, — сказал Прокопня. — По безотлагательному делу.

— А не могли бы вы уточнить, по какому именно? — спросила секретарь. — Что мне доложить, если Виктор Александрович спросит...

— Это... Сказал же, по безотлагательному, — прищурился Прокопня. — То есть по срочному. Куда уж точнее. И вот еще что. Доложите ему обо мне так, чтобы ваши слова никто посторонний не слышал.

— Сказать ему на ухо, что ли? — съехидничала секретарь.

— Да, — кротко ответил Прокопня. — Именно так — на ухо.

— Как интересно! — похоже, ехидство было основной чертой характера секретаря.

— Очень интересно, — прежним кротким тоном произнес Прокопня.

Секретарь хмыкнула и скрылась за дверью кабинета, в котором, как понял майор, восседал главный врач санатория Виктор Александрович.

— Он вас ждет, — сказала секретарь, выйдя из кабинета.

— Добрый день, — поздоровался майор, входя в кабинет. — Я из уголовного розыска.

— Да, секретарь мне сообщила, — прервал майора главврач. Это был дородный, холеный мужчина с гладко зачесанными волосами, ухоженными руками и узковатыми глазами. — У вас ко мне какое-то дело?

— Да, — коротко ответил Прокопня.

— Я вас слушаю.

— Видите ли... — Прокопня замялся, будто не зная, с чего начать разговор. — Вы, наверно, уже слышали, что вчера в вашем саду обнаружили тело мертвой старухи.

— Нет, не слышал, — бесстрастно ответил главврач. — Мне, знаете ли, не до слухов. У меня дела.

— Я понимаю, — согласился Прокопня, и поерзал на стуле. — Так вот, обнаружили...

— И что же?

— Ее убили, — сообщил майор.

— Вот как, — все так же бесстрастно произнес Виктор Александрович. — Но при чем тут я?

— Видите ли, не исключено, что к убийству причастен кто-то из вашего санатория...

— Кто-то из моих сотрудников — вы это хотели сказать? — шевельнулся в кресле главврач.

— В том числе, — кивнул майор.

— Какая чушь! — поморщился главврач. — Кто-то из моих сотрудников убийца! Вы думаете, что говорите?

— Я лишь предполагаю, — произнес Прокопья.

— И предполагать тут нечего! Я за своих сотрудников ручаюсь! Все они серьезные и проверенные люди. Зачем им убивать вашу старуху? Это просто смешно!

— Она не моя старуха, — сказал майор. — Она из богадельни... из дома престарелых.

— Ну, тем более. Зачем же вы явились сюда? Шли бы в дом престарелых.

— Мы проверяем разные версии, — терпеливо произнес Прокопья. — Не исключено, что убийца из вашего санатория.

— Я же вам сказал: я ручаюсь за всех своих сотрудников. Что вам еще надо?

— А за ваших пациентов вы тоже готовы поручиться... вот прямо-таки за всех? — поинтересовался майор невинным голосом.

Главврач ничего на это не ответил.

— Вот то-то и оно, — скорбным тоном проговорил майор. — Люди — они ведь разные.

— И все-таки что вы от меня хотите?

— Расскажите мне о ваших пациентах. Кто они, откуда...

— И это все? — поинтересовался главврач с нотками ехидства в голосе.

— Нет, — безмятежно ответил Прокопья. — Еще мне нужна будет ваша помощь в поисках возможных свидетелей преступления.

Главврач открыл было рот, собираясь возмутиться, но сдержался.

— Думаю, здесь вам больше поможет Ирина Карловна, — буркнул он.

— Кто это?

— Мой заместитель. Она ведает приемом пациентов и их личными делами.

— А как бы мне ее увидеть?

Главврач ничего не ответил и нажал какую-то кнопку у себя на столе. В кабинет тотчас же вошла секретарь.

— Найдите мне Ирину Карловну! — приказал он. — Срочно!

Ирина Карловна появилась быстро, буквально через какие-то две минуты. Это была средних лет женщина в белом халате и очках, а больше о ней с первого взгляда и сказать было нечего.

— Звали, Виктор Александрович? — спросила она.

— Вот этот господин, — указал главврач на Прокопеню, — из уголовного розыска. Он говорит, что вчера в нашем саду нашли убитую старуху. И он, как я понял, расследует это дело.

— Так ее все же убили? — ахнула Ирина Карловна. — Надо же... Бедная старушка... А кто убил?

— Ищем, — коротко ответил майор. — А вы, стало быть, слышали об убийстве?

— Да кто же не слышал? — Ирина Карловна удивленно посмотрела на Прокопеню. — Все у нас слышали... И персонал, и те, кто лечится. Бедная старушка! За что же ее?

— Вот что, Ирина Карловна! — вмешался в разговор главврач. — Поручаю этого господина из уголовного розыска вам. Введите его в курс дела и постарайтесь ответить на интересующие его вопросы. Хотя, честно говоря, я все равно не понимаю, чем мы можем вам помочь, — он взглянул на Прокопеню. — Ведь убитая старуха не из нашего заведения. Но коль уж вы настаиваете...

— Пойдемте ко мне в кабинет, — сказала Ирина Карловна оперуполномоченному Прокопене.

Кабинет заместителя главного врача оказался в другом крыле здания. Пока они шли, все встречные с любопытством косились на Прокопеню. Несмотря на его «бухгалтерский» вид, они, кажется, понимали, откуда он и по какому делу. Но, по мнению Прокопени, сейчас это не имело большого значения. Как бы он ни таился, а эта Ирина Карловна

все равно расскажет интересующейся публике, кто таков Прокопня и для чего явился в санаторий.

— Входите, — сказала Ирина Карловна, открывая двери кабинета. — Располагайтесь. Слушаю вас.

— Скажите, а ваш главврач всегда такой неучливый или это только со мной? — спросил майор, разглядывая кабинет.

— Вы должны его понять, — произнесла Ирина Карловна. — Мы — частный санаторий, у нас определенная репутация. И тут появляетесь вы с утверждением, что в нашем санатории находится убийца...

— Ничего такого я не утверждал! — запротестовал Прокопня.

— Какая разница — утверждали вы или не утверждали? — пожала плечами Ирина Карловна. — Коль вы здесь появились, то ваше появление все равно так или иначе скажется на нашей репутации. Вот, начнут говорить, в этом санатории убивают! Ну, и кто к нам поедет? А если никто не поедет, мы закроемся. Дальше можно и не продолжать... Так по какой же причине нам радоваться вашему появлению?

— Так я стараюсь, чтобы о моем появлении у вас знали как можно меньше...

— Так ведь все равно узнают! — махнула рукой Ирина Карловна. — Куда же вас денешь? И начнется... А то еще газетчики набегут! Они жареные факты любят! Представьте, какие заголовки они сочинят? «Убийство в санатории «Сосновый бор!» Или что-то в этом роде... Вот нам будет радости. Кто поедет в санаторий, в котором убивают? Скажите, вы бы поехали в такой санаторий?

— Боже меня упаси! — замахал руками майор.

— Вот видите.

— Да, — сокрушенно произнес Прокопня. — Хоть я того и не желал, но я самым хамским образом запятнал вашу репутацию. Вот как только у вас появился, так сразу же и запятнал. Нет мне прощения. Но с другой-то стороны,

это еще как посмотреть. А вдруг убийца и вправду находится в вашем санатории? Откуда мы можем знать? А вдруг он маньяк? И вот: вчера он убил старушку, а завтра убьет кого-нибудь другого. Допустим, ту милую девушку, которую я мельком заметил на вахте? Или, упаси и помилуй, вас? Что вы на это скажете?

Ирина Карловна явно не ожидала такого поворота в разговоре, а потому ничего не ответила и лишь растерянно посмотрела на Прокопёню.

— И что же делать? — жалобно спросила она.

— Так ведь известно... всячески помогать следствию, — сказал майор. — То есть мне. Дело-то, как я понимаю, общее. Несмотря на то что убитая старушка была из богоугодного пансиона.

— Спрашивайте, — обреченно произнесла заместитель главного врача.

— Спрашиваю, — с готовностью отозвался Прокопёня. — В первую очередь меня интересует режим дня вашего санатория.

— Режим как режим, — пожала плечами Ирина Карловна. — Подъем, завтрак, лечебные процедуры, обед, свободное время, полдник, опять свободное время, отбой. Как и везде.

— А ночью?

— Что ночью? — не поняла Ирина Карловна.

— Ну, что ваши пациенты, а также персонал делают по ночам?

— То есть? — удивленно спросила заместитель главного врача.

— Я имею в виду — могут ли они поздним вечером или ночью выйти из санатория и, скажем, прогуляться по саду?

— Могут, если пожелают. У нас — не режимное заведение, а частный санаторий.

— Понимаю, — кивнул майор. — А персонал?

— А что персонал? Сотрудники обязаны находиться на своем рабочем месте. Там они и находятся.

— И ночью тоже?

— И ночью. Да у нас в ночное время и персонала-то — всего три медсестры и дежурный врач.

— А охрана?

— Охраны у нас нет.

— Вот как...

— Да. Главврач считает, что наличие охраны компрометирует санаторий. Говорит, что мы неврологический санаторий, а не психиатрическое отделение. Там-то, наверно, охрана требуется. Да она нам и не нужна. У нас здесь тихо. Было тихо, я хотела сказать. Пока...

— Пока не появился я, — уточнил Прокопья. — Я бы не появлялся у вас еще сто лет, если бы не... в общем, надеюсь, вы понимаете.

— Понимаю.

— А тогда продолжим нашу беседу. Скажите, а на вахте, то есть у выхода из здания, у вас по ночам кто-нибудь сидит?

— Да, конечно. Это наш пост номер один. Там должна быть медсестра...

— И какие у нее обязанности?

— Ну, какие... — казалось, этот вопрос застал Ирину Карловну врасплох. — Следить...

— За кем или за чем? — с кислым видом поинтересовался Прокопья. Интуитивно он не поверил словам Ирины Карловны. Каким-то неуверенным тоном она их произнесла.

— За всеми, — все так же неуверенно проговорила заместитель главного врача. — Кто входит и кто выходит...

— И, наверное, фиксировать всех входящих и выходящих? Записывать в специальный журнал или еще как-то... Я правильно понимаю?

— Да, наверное.

— И что же, записывает? — поинтересовался майор.

— Я не знаю. Должна...

— Как бы мне его полистать, этот журнальчик? И побеседовать с сестричкой, которая была на своем боевом посту в позапрошлую ночь. Это возможно?

— Да, конечно. Тем более что она сейчас как раз на смене.

— Это та милая девушка, которую я упоминал?

— Да.

— Ну, зовите, зовите! И пускай она не забудет про журнальчик.

Вскоре в кабинет вошла миловидная медсестра. Никакого журнала в ее руках не было.

— А где же журнальчик? — невинным тоном поинтересовался Прокопья у медсестры.

— Какой журнальчик? — спросила в ответ девушка, хотя и знала уже от Ирины Карловны, о чем идет речь.

— Ну, как же, — ласковым тоном стал пояснять майор. — Журнальчик, в котором вы записываете всех выходящих из санатория и приходящих в него.

— Нету... — ответила медсестра.

— Неужели вы его потеряли? — ужаснулся Прокопья. — Ай-ай-ай! Скверное дело. Ведь это же просто-таки подсудное дело — терять служебную документацию. Это я вам говорю как сотрудник полиции.

— Видите ли, — стала пояснять Ирина Карловна, — подобного журнала у нас никогда и не было. Для чего нам лишняя бюрократия? У нас частный санаторий. А это — почти как родной дом. Вы что же, ведете у себя дома какие-то журналы?

— Что вы говорите! — восхитился майор. — Почти как родной дом! Никакой бюрократии! А как же вы ведете учет входящих и выходящих людей?

— Мы их запоминаем, — пояснила медсестра. — Тем более что никого из посторонних у нас почти не бывает. Иногда приезжают родственники наших пациентов, и все. А так все свои.

— Ну да, ну да, — соглашаясь, закивал Прокопня. — Чужие здесь не ходят... Тогда ответьте мне на такой вопрос. Ведь это же вы дежурили у входа в позапрошлую ночь?

— Да, — призналась медсестра.

— А скажите, кого вы запомнили той ночью из входящих из санатория и входящих в него людей? Ну, то есть кто и в какое время выходил и, соответственно, возвращался обратно? И в какое именно время?

— Сейчас, — наморщила лоб сестричка. — Сейчас вспомню... Ах да! Никто не выходил, и никто не возвращался!

— Неужели? — не поверил девушке Прокопня.

— Да. Потому что с вечера пошел дождь и шел почти всю ночь. Кому же охота выходить под дождь?

— Вы это точно помните? — тоном вьедливого человека спросил майор.

— Конечно, — подтвердила сестричка.

— А может быть, вы куда-нибудь отлучались или, допустим, спали? — не отставал Прокопня.

— Никуда я не отлучалась и не спала! — оскорбилась медсестра. — Я на работе не сплю и не отлучаюсь!

— Мне бы такую работу, — мечтательно произнес майор. — Сидишь себе, мечтаешь, ни за что не отвечаешь, даже в журнал ничего не записываешь за неимением такового. Эх!.. Ну, а другие ходы-выходы, помимо главного, у вас имеются?

— Обязательно, — ответила на этот раз Ирина Карловна. — Как положено в соответствии с правилами безопасности. Имеются целых два.

— А можно ли из них выйти и вернуться незамеченным?

— Нет, — пояснила Ирина Карловна. — На ночь они запираются. А ключи находятся на вахте.

— То есть у вас? — глянул майор на медсестру.

— Да, — ответила девушка.

— И в ту ночь никто их у вас не спрашивал? — продолжал допрос Прокопня.

— Никто.

— А взять незаметно их можно? Ну, скажем, в тот момент, когда вы отлучились или, может, уснули...

Медсестра вспыхнула и не пожелала отвечать на этот вопрос.

— Ну да, ну да, — примирительно произнес майор. — На работе вы не спите и никуда не отлучаетесь. Понятное дело... Что ж, у меня все. Возвращайтесь на пост и бдите.

Оскорбленная медсестра фыркнула и вышла. Прокопелня потер лоб и взглянул на Ирину Карловну.

— Теперь я буду думать, — сказал он. — Целых пять минут. А потом мы продолжим с вами разговор. В общем, посидите пока тихо и не отвлекайте меня.

И он стал думать. Значит, размышлял он, никто в ту ночь из санатория не выходил и обратно в него не возвращался. Конечно, милая сестричка могла и соврать, но в ту же ночь шел дождь, а уж это факт железный, его не опровергнешь. А кому охота выходить из помещения, когда идет дождь, да еще ночью? Всякий нормальный человек в такую погоду тянется к теплу и уюту. Да, но речь-то идет об убийце, может быть, даже маньяке, а уж его-то нормальным человеком никак не назовешь. Убийца, да еще и маньяк, он такой человек, что может и под дождем совершить преступление... Вот, кстати, зря он в недавнем споре с Гуровым и Федором Ильичом отказался от версии о маньяке. Ох зря!.. Потому что, может быть, и маньяк действовал. Да хотя бы даже из этого санатория — почему бы и нет? Где сказано, что в санатории маньяков быть не может?

А отсюда может вытекать следующее. Допустим, убийца кто-то из санаторских. Пациент он или кто-нибудь из персонала, пока неважно. Важно другое: мог ли он ночью незамеченным покинуть здание санатория и так же незаметно вернуться обратно после того, как сделал свое черное дело? Конечно же, мог. Если он даже не проходил мимо симпатичной сестрички, это еще ничего не значит. Он мог покинуть здание и другим способом. Например, через

окно. А почему бы и нет? И так же мог вернуться обратно. Окон в здании санатория вон сколько! Да, но откуда в таком случае убийца мог знать, что в это самое время по саду под дождем гуляет одинокая старуха? Он что же, провидец? Способен видеть сквозь стены, тьму и пелену дождя? Или, может, он какой-нибудь оборотень, который каждую ночь и в любую погоду превращается в некое чудовище и выходит на охоту? Какая чушь! Этот мир не Голливуд, в нем все проще и реалистичнее. А значит, похоже, что никто из санаторских — ни пациенты, ни персонал — к убийству не причастны. Хотя, конечно, на всякий случай всю эту публику надо и проверить. Ведь кто-то же старушку убил, несмотря на все логические выкладки и предположения Прокопени!

— А теперь, — взглянул майор на Ирину Карловну, — я хочу задать вам несколько уточняющих вопросов.

— Задавайте, — вздохнула заместитель главного врача.

— Первый мой вопрос будет такой, — потер лоб майор. — Можете ли вы назвать мне поименно весь ваш персонал, который дежурил в позапрошлую ночь?

— Одну минуточку, — сказала Ирина Карловна и вышла из кабинета.

Вскоре она вернулась, держа в руках толстую тетрадь.

— Вот, журналчик! — обрадовался Прокопеня. — А вы говорите, что все и всех помните!

— Это служебная документация строгого учета, — пояснила Ирина Карловна. — В журнале мы записываем всех, кто дежурит в ту или иную смену.

— Замечательно! — восхитился Прокопеня. — И кто же у вас дежурил в позапрошлую ночь?

— Сейчас посмотрю, — Ирина Карловна полистала журнал. — А, вот... Врач и три медсестры.

Она назвала имена, и майор досадливо поморщился.

— Что, все женского полу? — спросил он.

— Да, — ответила Ирина Карловна. — Все женщины.

— Угу... — ответил майор и опять стал думать.

Значит, весь персонал санатория, дежуривший в ту ночь, — женщины. А из женщины какой маньяк-убийца? Маньяк — он обязан быть мужского пола. Тем более если принять во внимание тот способ, которым была убита несчастная старушка. Способ убийства чисто мужской, никакая женщина на подобное не способна. Конечно, теоретически рассуждая, бывает всякое, в том числе и маньяки-женщины, но все-таки на вещи нужно смотреть реалистично. Итак, из персонала санатория убийцей не мог быть никто. Что ж, подойдем к вопросу с другой стороны.

— А вот сколько у вас в данный момент пациентов? — спросил Прокопья у Ирины Карловны.

— Четырнадцать человек, — ответила она.

— Всего-то? — разочарованно спросил майор. — Что ж так мало?

— Осень, — пояснила женщина. — В эту пору к нам мало кто приезжает. Так сказать, мертвый сезон.

— Понятно. Я бы, к примеру, тоже к вам не заселился осенью. — Тут он припомнил Гурова и его помощника и уточнил: — Разве только сильно припрет. Итак, четырнадцать болящих душ. Могу я знать, кто они?

Женщина молча подошла к компьютеру, что-то на нем искала и кивнула майору: подходи, если есть желание, и смотри сам. На мониторе значился поименный список неких лиц, которые, как понял Прокопья, и были пациентами санатория на данный период времени.

— Вот еще один журнальчик, — радостно улыбнулся майор. — А вы говорите...

И он принялся изучать список, хотя и изучать-то в нем было нечего. Всего четырнадцать человек. Причем девять из них женщины и лишь пятеро мужчины. Из этой пятерки майор моментально вычел двоих — Гурова и его помощника. Оставались лишь трое потенциально подозрительных лиц.

— Что вы можете мне сказать об этих трех богатырях? — указал пальцем Прокопья на монитор компьютера.

— А что вас интересует? — спросила Ирина Карловна.